

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ТАЙНЫЙ БУНКЕР
АБВЕРА**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Тайный бункер абвера / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-201981-4

Капитану Глебу Шубину поручена операция по уничтожению немецкого штабного бункера с важными документами абвера. Однако для начала разведчику нужно выяснить, где именно находится интересный командование объект. Это знает один из пленных немцев. Но он до последнего упорствует и молчит. Неожиданно Шубину приходит в голову идея, как разговорить упрямого фашиста. Для этого капитану придется сыграть необычную для себя роль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201981-4

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Тук, тук, тук — спицы стучали еле слышно, торопливо отсчитывая петли на отполированных палочках. Скрюченные пальцы бабки Анки споро вывязывали то огромные вытянутые петли, то тугие шишки. Полотнище уже спустилось ей на колени — пестрый прямоугольник из ниток разной толщины и цвета. Выходил из-под старых пальцев не носок, не шарф, а какая-то кривая тряпица с несуразным узором.

Во второй комнате заскрипели пружины ее бывшей кровати, которую уже больше года теперь занимал германский офицер Герхард Толле. По половицам зашлепали босые ноги, и от этого тихого звука бабка Анка сжалась в темном углу в комок. Ей хотелось сейчас раствориться в воздухе, уменьшиться до размеров тряпичной куклы или вовсе исчезнуть. Небольшое слабое тельце застыло, голова вжалась в плечи, только пальцы продолжали торопливо отсчитывать петли и узелки. Вязала она на ощупь, ничего не видя, поскольку потеряла зрение после того, как ее избили немецкие оккупанты, еще

в начале войны, занимая дома в пригороде Маевска. Тогда бабка Анка кинулась спасать свою любимую корову Ночку от занесенного над ней немецкого штыка. Удар штыка пришелся женщине в висок, отчего на глаза легла серая пелена, которая так и не растаяла ни через месяц, ни через год.

Корову тогда все-таки зарубили и пустили на шницели для офицеров гестапо, которые отмечали очередную победу армии Гитлера. А бабка Анка освоилась и научилась жить на ощупь, отсчитывая в своей добротной избе шаги от кухни до спальни, а оттуда до сенок и колодца во дворе. Считала, стараясь не замечать ноющей боли в груди: некогда о мертвых думать, надо растить, кормить каждый день живых. Вернее, живого — единственного внука Семушку, которого она успела спрятать в печи от гитлеровцев. Остальных внуков бабки Анки вместе со всеми детьми Ленинского района Маевска согнали под вой матерей в крытые брезентом машины и увезли куда-то по южной дороге.

С того дня Анка жила только Семушкой, ради него жила. Слепая скоблила полы в хате, взбивала перины и подушки, стирала в ледяной воде по ночам форму, начищала щеткой сапоги

немецким офицерам, которые регулярно размещались в ее большом, построенном тремя сыновьями доме. Сутками она хлопотала, чтобы заработать горстку пшена, полбуханки хлеба или жижу из вскрытой консервной банки офицерского пайка. Все бережно перебирала чуткими пальцами, грела в эмалированной кружке и совала наверх, на полати белой печурки, где обитал Семушка. Она уговорами и строгостью не разрешала шустрому шестилетнему мальчику спускаться оттуда, пока размещенный у старухи очередной офицер валялся на кровати с пышными перинами, где Анка зачала и родила всех своих шестерых детей, или резался в карты с сослуживцами в светлой мастерской ее мужа — столяра-краснодеревщика. Когда немец отбывал на службу в гарнизон, она разрешала наконец Семушке спуститься вниз, а потом и вовсе шептала мальчонке на ухо указания, после которых он стремглав бросался бежать по узким проулкам и улочкам района.

Сейчас Семушка спал у теплой трубы натопленной печи, а Анка в страхе жалась в холодном углу сенок, ни на секунду не останавливая перестук деревянных вязальных спиц. Ноги прошлепали в кухню, раздался звук жадных громких

глотков. Гауптшарфюрер¹ Толле выпил два ковша ледяной воды, но от выпитых шести бутылок шнапса за вечер кровь продолжала пульсировать в висках, отдавая болью, а горло окатывала кислая волна изжоги. Тук-тук, чертовы спицы, казалось, стучат ему прямо по воспаленному страшным похмельем мозгу. Толле выругался, отшвырнул ковш, так что он со звоном врезался в белую стену, и кинулся в сенки. Там он схватил в темноте за что-то мягкое, пушистое и с силой рванул к двери. Пинком распахнул дверь, протащил за седые волосы бабку Анку по крыльцу, по тропинке и с силой оттолкнул к стенке колодца:

— Старая ведьма, чтобы я не слышал тебя и твоего ублюдка. Я сдам тебя в гестапо, если не перестанешь стучать!

Он пнул старуху в мягкий бок, но промахнулся и лишь выбил из ее рук вязанье. Она молчала, превратившись в черный ссутулившийся силуэт. Толле снова выругался и зашагал обратно, шатаясь из стороны в сторону. В полумраке он даже не заметил, как крошечная тень шмыгнула из-за двери под крыльцо. В избе Толле выпил последний глоток алкоголя из походной

¹ Гауптшарфюрер — звание СС, соответствует званию прапорщик.

фляжки, рухнул на перину и забылся в тяжелом дурмане.

Бабка Анка в это время ползала у колодца, пытаясь найти свое вязанье. От удара она не смогла удержать спицы в руках, и рукоделие улетело в сторону. Теперь старая женщина ощупывала каждый сантиметр земли, чтобы найти пропажу. Вдруг тоненький голос над ухом зашептал еле слышно:

— Бабанечка, вот, держи, вязанье под яблоню улетело.

Но старушка охнула в ужасе, ощутив кончиками пальцев повисшие в пустоте петли — спицы вылетели из рядов при падении. За свою жизнь Анка не научилась долго причитать, охать из-за случившегося, только мгновенно находить решение в любой ситуации. Старушка поймала тонкое запястье внука, притянула мальчонку к себе, зашептала на ухо так, чтобы снова не побеспокоить постояльца:

— Семушка, до бани беги, там для веников прутки лежат, сушатся у крылечка. Два самых толстых хватай и неси мне.

Мальчуган охотно кинулся выполнять просьбу любимой бабушки, а Анка проверила рисунок из ниток: кажется, все на месте, полотно не распустилось, но нужно срочно доделать работу.

Рядом задышал Сема, бабуля протянула руку, и в сухонькую ладошку легли два прутика. Анка бережно нанизала петли на новые самодельные спицы и снова принялась за работу. Рядом с ней притулился тоненький Сема, он несколько секунд всматривался в сумраке в белое пятно лица бабушки.

— Бабаня, — маленькая ручка коснулась липкой струйки на ее лице, — у тебя с волос кровь течет. Я за тряпкой, воды надо, бабаня.

— Тс-с-с, тише, — остановила его Анка, не прекращая свою работу. — Посиди смирно, Семушка. Посиди, я заканчиваю уже, потом до лесу бежать надо будет.

Но Сема никак не мог отвести взгляд от багрового потока. Офицер вырвал Анке клочок седых волос, и теперь из раны на глаза ей текла кровь. Хоть это и не мешало ей, незрячей, работать спицами, поскольку она все равно не видела результатов своей работы, но кожу щипало, рану саднило, а тело ныло после ударов. И все же Анка упорно продолжала трудиться над вязаньем. Внук не удержался, погладил ее по тонкому плечу:

— Больно, бабаня?

Та сухо, как обычно, ответила:

— Потерпеть надо, Семушка. До рассве-

ту вернуться надо успеть. Смирно сиди, считаю я, не сбивай.

И он снова не выдержал, прошептал больше самому себе:

— Вырасту и убью немца проклятого. Все волосья вырву, а потом убью его.

Через полчаса ласковое касание разбудило Семушку, бабаны сунула ему в ручку готовую работу. Без единого слова мальчик поднялся и поспешил за калитку. Только теплый родной запах несколько секунд провисел в воздухе, а потом растворился в тяжелом предрассветном тумане.

Легкий, невидимый за влажной пеленой, ребенок пробежал по коротким улочкам и уже через десять минут оказался за чертой города. Раньше Ленинский район города Маевска был отдельным поселком, но после строительства кирпичного завода постепенно границы между поселениями стерлись, и бывший поселок Красная Горка стал отдаленной городской окраиной. Разгромленные бомбежками заводские бараки, корпуса утыкались прямо в густой хвойный лес, куда так спешил Семушка. Непрístupные заросли его не пугали, мальчик успел за год выучить все приметы, по которым надо было пробираться в глубину деревьев. Вот обломанный огромный пень почти с него ростом, потом ов-

раг, покрытый чертополохом, и, наконец, конечная точка его маршрута — тугая старая ива у зеленой кромки болота. Сема ловко взобрался по тонкому стволу, вытянул руку и всунул бабушкино вязанье в выдолбленное углубление в стволе. Под пальцами зашуршал сухой древесный лист. Сема выудил малюсенький сверток из пожелтевшего листика, осторожно раскрыл его. На желтом кусочке горела красным цветом прозрачная капля — леденец монпансье. Правда, мальчик не знал, как называется лакомство, никогда не видел того, кто положил этот подарок в дупло. Он родился за три года до войны и почти не помнил родного брата Сергея, который теперь был связным в партизанском отряде. Все, что Сема знал, так это то, что нужно каждую неделю пробираться к болоту и оставлять для Сергея бабушкино вязанье, а взамен брат оставлял ему непритязательные подарки: горстку лесной малины, кусок сушеной зайчатины или маслянистый гриб на толстой ножке. Конфету он оставил впервые, поэтому мальчишка не удержался и лизнул леденец. На секунду закрыл глаза, ощущая невероятную сладость, что растеклась по языку. Но тут же завернул лакомство обратно в обертку, сунул за пазуху и бросился бежать назад. Ему надо успеть вернуться и взобраться на безопасное место на

печке до того, как проснется офицер Толле. И только после того как его начищенные бабулей сапоги протопают по крыльцу, можно угостить бабаню невероятным подарком. И тогда на сморщенном, темном от горя лице наконец засветится на несколько секунд тихая улыбка.

ГЛАВА 1

Глеб Шубин проснулся словно от толчка, за окном разливался молочный туман, в палате госпиталя все мирно спали в такой час. У капитана военной разведки сон давно стал тонким, будто марля, рвущимся от каждого шороха. Вот и сейчас он пружинисто сел на деревянном настиле, нахмурился от резкой боли в ногах, привычным движением помассировал кожу, пока не утихла волна боли, прислушался к сонной тишине в небе за окном, в коридорах госпиталя и снова провалился в сон.

Второй раз капитан Шубин проснулся, как только по деревянному полу зашаркали знакомые шаги. Его лечащий врач в сопровождении медсестры пошел на осмотр больных, определяя пациентов на выписку. Глеб торопливо вскочил, еле удержался на непослушных ногах, но заставил себя выпрямиться у кровати безо всякой опоры. Разведчик торопливо пригладил волосы, одернул нательную рубашу. При появлении доктора в сером застиранном донельзя халате вы-

прямил спину и сжал зубы, чтобы не выдать гримасой свои ощущения. Все следы ран на теле, а особенно в области икр, принялись наливать-ся огнем, от прилившей крови казалось, что места, откуда на операции вытащили осколки, прижигают раскаленным железом. И все же капитан Шубин уверенно стоял на ногах, по его спокойному лицу не было видно страданий, лишь мертвенная бледность выдавала ту боль, которую испытывал разведчик.

Врач переходил от кровати к кровати, негромко диктовал медсестре фамилии и указания. За пару шагов до вытянувшегося в струнку Шубина он кивнул, приветствуя:

— А-а-а, капитан Шубин! Ну вольно, вольно уже, мы не на параде.

У Глеба получилось улыбнуться:

— Товарищ военврач, когда меня выпишут? Вы же видите, я почти здоров. Пока доберусь в часть, все до конца зарастет.

Под очками промелькнули лучики морщинок от улыбки, но голос у доктора был строгим:

— Шубин, ложитесь, кальсоны поднимаем.

Глеб, стараясь не застонать от боли при каждом движении, улегся на тонкий матрас из нескольких одеял и послушно засучил штанины. Доктор наклонился и коснулся прохладным

пальцем багрового пылающего шрама на бедре, а потом еще одного и еще.

— Вот этот шов, этот и еще четыре. Когда они станут красного цвета, спадет опухоль, тогда я буду уверен, что процесс заживления идет как положено. — Он бросил взгляд на огорченное лицо Глеба и продолжил: — Я уже объяснял, товарищ капитан, в ваших силах повлиять на процесс выздоровления. Разрабатывайте ноги, ходите, разминайте каждый день. Не жалейте себя. Кровь должна двигаться по сосудам как можно интенсивнее, и тогда отпущу вас со спокойной совестью до конца этого месяца.

— Есть разрабатывать, — коротко ответил Глеб и снова стиснул челюсти. При воспоминании о его ежедневных упражнениях тело покрылось холодным потом.

Но когда обход закончился, капитан Шубин снова поднялся и начал отсчитывать шаги. На спине и лбу сразу же выступил влажный пот, от боли и усилий его трясло, вены на висках вздулись, кожа полыхала огнем. И все же он не обращал на эти реакции организма внимания, сосредоточившись на белом прямоугольнике окна в конце коридора — так легче не думать о пульсирующей боли. Глеб не сводил с него взгляда, красно-желтая листва окружающего госпиталь

леска становилась все ближе. Когда он смог различить отдельные листья, то разрешил себе несколько секунд отдохнуть и тут же снова продолжил свой путь по коридору. Нельзя расслабляться, никаких палок или костылей, только ходить часами по лестнице, по коридору, между деревьев по лесочку, чтобы кровь разгонялась по телу, а раны, разбухая от ее притока, быстрее заживали. Еще на прошлой неделе разведчик едва смог преодолеть пару ступеней, а сегодня спустился на первый этаж и начал обход еловой полянки. Каждый день тело работало все лучше, а значит, еще неделя мучительных занятий — и его выпишут из госпиталя, возможно, разрешат вернуться на передовую линию фронта, назад в военную разведку. Потому так упорно Глеб преодолевал каждый метр, не болтал с другими выздоравливающими, не дымил самокрутками и не лежал на кровати, читая боевой листок. Каждый день с обхода до отбоя он тренировал свое тело, возвращал себе утерянную ловкость и силу, изматывая себя многочасовой ходьбой и упражнениями с камнями, которые подбирал на ходу. Разведчик чувствовал внимательные взгляды спиной, затылком, не обращал на них внимания, привыкнув за месяц в госпитале, что вызывает молчаливый интерес у врачей, медсестер и пациентов.

Две пары женских глаз следили за прихрамывающим больным, который так упрямо пробирался между деревьев, останавливаясь лишь для того, чтобы сделать несколько отжиманий от стволов.

— Ну что, Клара, так и не охомутала разведчика?

Яркая брюнетка поправила шапочку на пышных локонах:

— Еще успеется, он же совсем плох был, когда привезли. А сейчас смотри, как расходился.

Ее напарница фыркнула:

— Точно, все лучше и лучше ходит, а потом так и убежит от тебя. Не успеешь глазом моргнуть. На фронт отправят, такие там на вес золота. Разведчик, с орденами, ты же слышала, что про него рассказывали. Он один целый состав генеральский взорвал и выбрался от фашистов живым.

Клара сдула падавшую на глаза челку, наморщила аккуратный носик:

— Слышала, кто он такой. Герой настоящий, поэтому сложно с ним. Ни на кого не смотрит, на разговор не вытянешь. Он же разведчик, а они знаешь сколько тайн хранят. Немецкий зубрит вон целыми днями, готовится. Ну

ничего, уж придумаю, как заставить его за мной ухаживать.

Самоуверенная Клара снова сдула упрямую челку вбок, подхватила свежий боевой листок, пачку которых только сегодня доставили в госпиталь, и решительно направилась к выходу из здания. Возле деревьев она без труда нагнала мокрого от пота, дрожащего из-за невероятных усилий Глеба:

— Здравствуйте, товарищ Шубин. Вы так скоро до фронта доберетесь.

Тот лишь кивнул в ответ на шутку, не останавливая мерный ход. Девушка прикусила губу и попробовала еще раз завести разговор, протянув капитану свернутый в трубочку желтый лист:

— Вот, свежий. С фронта сводки, наши немца гонят дальше на запад. Потери большие из-за бомбардировок, правда, но уже Брянский фронт в наступление перешел.

Шубин снова кивнул в ответ, стараясь не сбиться с равномерного отсчета: вдох-выдох, вдох-выдох. От настойчивой Клары не так просто избавиться, она предприняла последнюю попытку разговорить капитана:

— Берите, это я вам принесла почитать. А то вы все словарь мучаете. Отдохнете, отдых для здоровья полезен. И еще мазь я вам положила на

койку, на ночь компрессы нужно на раны делать для заживления.

— Спасибо.— Снова лишь короткая благодарность.

От отчаянья Клара прикусила губу, резко развернулась и зашагала прочь. Она не привыкла к такому равнодушию, наоборот, хорошенькая медсестра слыла местной королевой красоты в госпитале, и у нее не было отбою от ухаживаний выздоравливающих рядовых и офицеров. Оттого равнодушие капитана Шубина к маленьким знакам внимания со стороны девушки било вдвойне по ее самолюбию. Глеб на секунду остановился, хотел было окликнуть Клару, понимая, что обидел гордую красавицу. И тут же остановил сам себя: у него нет времени на интриги, романы, каким бы милым ни было личико медсестры, что вьется вокруг него уже вторую неделю, он не откажется от своей цели — как можно быстрее восстановиться и вернуться на фронт. Пока немец оккупирует его родную землю, убивает тысячи невинных людей, нельзя давать себе слабину. От него, от военного разведчика, зависит, как быстро будут разгаданы планы немецких генералов и Красная армия сможет продвинуться вперед. Шубину, конечно, было стыдно, что приходится огорчать девушку, но если бы она видела то,